

ПРОБЛЕМЫ ПЛАГИАТА И НАУЧНОГО ПРИОРИТЕТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТОЛПЫ В КОНЦЕ XIX В.

Д.С. ГОРБАТОВ

Санкт-Петербургский государственный университет

Описываются основные признаки научного плагиата. На материале трех «кейсов» из начального периода формирования психологии толпы анализируются некорректные заимствования в работах А. Фурниаля, Г. Лебона, Б. Сидиса. В частности, в книге А. Фурниаля выявлены отдельные случаи текстового плагиата из работы С. Сигеле в том числе в так называемом гибридном виде – сочетании фрагментов чужого материала со ссылками на первоисточник и без них. На основании анализа шести публикаций, хронологически предшествовавших диспуту о научном приоритете 1895 г. и не упоминаемых ни одной из сторон, признаются неосновательными обвинения Г. Лебона в плагиате его идей со стороны С. Сигеле. Все они без исключения имеются в более ранних источниках. Отмечается не замеченный научным сообществом факт плагиата текста и идей Н.К. Михайловского в первых американских публикациях Б. Сидиса. Автор публикуемой в данном номере журнала статьи считает целесообразным распространение понятия научного приоритета не только на уникальные идеи, но и на тексты, впервые обобщающие знания в пределах предметной области. Он обосновывает необходимость выделения нового вида плагиата, заключающегося в преднамеренном замалчивании авторского вклада предшественника или отрицании значения его работы. Такой «плагиат публичности» способен обеспечить недобросовестному ученому получение выгоды в виде создания у научной общественности преувеличенного впечатления о значимости его собственного исследования.

Ключевые слова: этические нарушения, плагиат, научный приоритет, плагиат публичности, психология XIX в., толпа, исследования толпы.

Проблема нарушений академической этики в виде некорректных заимствований возникла давно, но широкое распространение она получила в наши дни. Не случайно современный научный мир характеризует нулевая терпимость к повторным изложениям чужих и своих идей, текстов, результатов исследований или иных продуктов профессиональной деятельности без адекватного указания на источники заимствования. Это обусловлено тем, что доступность исходных материалов и легкость их компьютерного копирования при сложившейся ориентации на количественные показатели в оценке научного труда создают предпосылки к множественному

воспроизведению однажды полученного знания вместо его приращения. При этом в конкуренции с другими учеными плагиаторы приобретают неоправданные преимущества. Ретракции статей, аннулирование решений диссертационных советов, исключения периодических изданий из авторитетных баз научных данных, судебные иски – такова правомерная реакция сообщества на нарушения академической этики в форме плагиата.

Каковы пределы данного понятия?

Как известно, повсеместно употребляемые выражения, типовые элементы научного стиля, общеизвестные факты, профессиональная терминология, формулировки статей законов и корректно атрибутированные цитаты (неизбыточного объема и количества) недобросовестными заимствованиями не являются. Однако уже при использовании ссылок на чьи-то

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00302 «Толпа и личность: историко-психологическое исследование теорий XIX – начала XX вв.».

работы, подчеркнем, с указанием авторов, возможны обвинения в плагиате. Например, так бывает в случаях представления фактического цитирования в виде ссылок, т.е. копирования материалов без надлежащего перефразирования и обязательного изменения структуры исходных предложений. Плагиатом является и сочетание собственных комментариев с чужими формулировками без их должного разграничения (Publication Manual..., 2010).

Отсутствует однозначный ответ на вопрос, какой минимальный объем заимствования текста считается плагиатом. Если раньше упоминали о пограничном интервале в семь — десять расположенных рядом слов (Schrader, 1980; Armstrong, 1993), то сейчас можно встретить суждения о достаточности воспроизведения шести слов, содержащих не менее 30 символов (Masic, 2014). Более того, приняв во внимание факты заимствований не только текстов, но и научных идей, следует согласиться с утверждением, что копирование уникального выражения или даже единственного слова иногда может рассматриваться в качестве плагиата (Helgesson, Eriksson, 2015).

Особые затруднения возникают при идентификации случаев недобросовестных заимствований не фрагментов текстов, а научных идей. В частности, нелегко бывает отличить элементарное дублирование постулатов своими словами от преемственности, выражающейся в пусть незначительном, но качественном изменении исходных мыслей, а то и другое — от совпадения, обусловленного «духом времени». Казалось бы, если «чужое» корректно отделено от «своего», то ситуация не выглядит безнадежной. Но как быть, например, с теми научными идеями, которые развивались постепенно?

Эксперт Американской психологической ассоциации рекомендует для подобных случаев в зависимости от контекста исследований три варианта оформления ссылок: на труды признанных основоположников,

на наиболее обстоятельные работы по данной проблематике или на новейшие публикации (Cooper, 2016). Любое из этих действий обезопасит от обвинения в плагиате. Однако важно понимать, что советы Х. Купера не вполне корректны по отношению к предшествовавшим ученым. Они предполагают игнорирование вклада того неопределенного множества исследователей прошлого, на переработке или на заимствовании тезисов которых выстроена актуальная трактовка научной идеи. Это вынужденная мера: обычно за научной идеей скрывается слишком много имен. Вместе с тем недооценка авторского вклада предшественников может привести к неверным решениям при установлении научного приоритета и фактов плагиата.

Рассмотрим эту и сопутствующие проблемы на материале нескольких «кейсов» из психологии стихийных объединений, начавшей свое развитие в качестве относительно самостоятельной сферы научного знания в конце XIX в. Известно, что итальянский ученый С. Сигеле неоднократно обвинял французских исследователей А. Фурниаля и Г. Лебона в плагиате ключевых элементов своей теории толпы (Ginneken, 1985; Palano, 2002; и др.). Насколько справедливы такие обвинения? Примерно в то же время, как было установлено нами, эмигрант из России Б. Сидис некорректно заимствовал отдельные составляющие концепции «героев и толпы» Н.К. Михайловского. Насколько существенны эти заимствования?

СИГЕЛЕ VS ФУРНИАЛЬ (1892 г.)

Среди нарушений академической этики иногда выделяют «наивный плагиат» (Еременко, 2015), появляющийся без своекорыстного умысла, просто потому, что неискушенному обучающемуся чужой текст «очень понравился» или «лучше все равно не скажешь» (Демидова, 2012, с. 94). Опыт преподавателя подсказывает,

что вероятность выбора легкого пути пропорциональна приближению срока сдачи работы, атмосфере попустительства и дефициту внимания со стороны научного руководителя. Сказанное во многом следует отнести к дипломной работе А. Фурниаля, подготовленной к окончанию двухлетней военно-санитарной школы в Лионе. Ее публикация (Fournial, 1892) была вызвана не особыми достоинствами, а выраженным общественным интересом к проблематике толпы. При этом доля плагиата, которая могла быть отчасти объяснима в выпускном квалификационном исследовании, оказалась неприемлемой для печатного издания.

Несмотря на то что по числу упоминаний в тексте С. Сигеле занял почетное третье место (уступив первенство лишь научному руководителю А. Лакассану и авторитетному Г. Тарду), он оценил действия новоиспеченного военного медика как «истинное литературное пиратство» (Sighele, 1898, p. 39). Известно, что итальянский ученый неоднократно обращался с письменными протестами к издателю, но не получил ответа. Вероятно, это произошло из-за невозможности связаться с А. Фурниалем, почти сразу убывшим в экспедиционные войска (Ginneken, 1985). Впоследствии ветеран многочисленных колониальных кампаний Третьей республики и мировой войны не проявил никаких академических притязаний (Frachette, 1986). Показательно, что при заполнении очередного формуляра он отметил, что научных трудов не имеет (Ginneken, 1985).

Как отмечалось ранее (Горбатов, Байчик, 2018), в данном случае значительность текстуальных совпадений во многом стала следствием нескольких предпосылок. Во-первых, обе книги, отразившие негативный образ толпы, «родились на одной почве», подготовленной усилиями литераторов и философов, мемуаристов и историков Великой французской революции и Парижской коммуны. Во-вторых, авторы пользовались одним

и тем же арсеналом доказательств. При этом недостаток эмпирических данных, заимствованных из физиологии, психиатрии, криминальной статистики и гипнотизма, вынуждал С. Сигеле и А. Фурниаля чаще опираться на примеры и релевантные рассуждения историков, литераторов, моралистов. В-третьих, сопоставляемые исследования имели единую концептуальную основу — теорию подражания Г. Тарда, приписывающую данному феномену имманентность для личности и тотальность проявлений для социума (Tarde, 1890).

Однако и при учете данных предположений следует констатировать, что совпадения присутствуют. Там, где рассматривались факторы образования толпы, ее ключевые характеристики и действия вожаков, отдельные суждения итальянского исследователя (Sighele, 1891) пересказывались без упоминания о нем. В ряде других случаев, где речь шла про эмоциональное заражение в толпе, разделение ее членов на категории и проявления «кровавого инстинкта», иногда встречались некорректные сочетания фраз С. Сигеле со ссылками и без них, подпадающие тем самым под признаки «гибридного» плагиата (The plagiarism spectrum).

СИГЕЛЕ VS ЛЕБОН (1895 г.)

На упрёки в плагиате Г. Лебон отреагировал подчеркнуто пренебрежительно. Уж не из тех ли г-н Сигеле «новичков, которые, старательно ограбив предшественников, для привлечения к себе внимания начинают кричать, что стали жертвой ограбления»? — в памфлетном стиле предавался сомнениям маститый автор. В опровержении он сперва назвал суждения критика ребяческими, затем обвинил С. Сигеле в коллекционировании цитат при отсутствии хотя бы «одной идеи или даже малейшего фрагмента идеи, которые являются его собственными», потом выделил в качестве принципиального

одно различие в трактовке морали толпы, не забыл подчеркнуть своего признания как писателя итальянской аудиторией и, наконец, еще раз прошелся по несамостоятельности исследования, молодости автора, некорректности инициированной им полемики (Le Bon, 1895a). Тем не менее было замечено, что выражение про «целинную почву» применительно к «душе толпы» Г. Лебон заменил на «еще очень мало исследованную» (Ginneken, 1985; Palano, 2002).

Другой линией обороны, насколько можно судить об этом, стало включение в книгу абзаца о потребности общества в подражании, механизмах моды, управлении толпой не аргументами, а образцами, с красноречивой пометкой, что это было сказано им еще «15 лет тому назад и развито впоследствии другими авторами в новейших сочинениях» (Le Bon, 1895b, р. 114). Надо заметить, что прием, который превращает подозреваемого в заимствовании в предшественника подозревающего, сохраняет популярность и в наши дни. Тем не менее Г. Лебон в первом варианте своей книги все равно избежал упоминаний имени итальянского исследователя, ограничившись еще одной неопределенной фразой об ошибках неких «писателей, изучавших толпу лишь с точки зрения ее преступности» (Там же, р. 21). Краткое примечание о вкладе С. Сигеле, по-прежнему выдержанное в пренебрежительным ключе, появилось позже (Palano, 2002).

Судя по тому, как Г. Лебон не церемонился с наследием и некоторых других авторов (Ginneken, 1985), в своих действиях он руководствовался не только посылком о невозможности для «профессора» интеллектуально обогатиться за счет «студента», но и нежеланием перегружать текст, рассчитанный на широкую публику, обилием ссылок и цитат. То и другое давно считается этически неприемлемым. В частности, если устная беседа со «студентом» способствовала решению проблемы, такое лицо

должно быть упомянуто. Что же касается научно-популярной или учебно-методической литературы, то требование избегать плагиата распространяется и на нее (Helgesson, Eriksson, 2015).

Попытка судить с позиций сегодняшнего дня о недобросовестности заимствований в конце XIX в. выглядит неуместной только в том случае, если считать осуждение плагиата в любой форме более поздним феноменом. Однако это не так. Определяющей части исследователей толпы и смежных проблем того времени некорректное изложение чужих текстов или идей было присуще не в большей мере, чем нашим современникам. Показательно, что активность С. Сигеле на поприще борьбы с плагиатом, возможно, отчасти была мотивирована стремлением «отплатить» представителям французской науки за судебный вердикт против его учителя Ч. Ломброзо, заимствовавшего три страницы (заметим, с упоминанием имени) из эссе по графологии Ж. Крепье-Жамена (Palano, 2002).

В продолжение полемики итальянский ученый, отдавая должное оригинальности и верности многих мыслей Г. Лебона, пытался иронизировать в ответ (Sighele, 1898, р. 39, 42). Но важнее другое: в чем именно он видел нарушения академической этики? Известно, что основные заимствования С. Сигеле локализовал в пределах 17 страниц первого издания книги оппонента (Ginneken, 1985). На указанных страницах речь главным образом идет о следующем:

- образовании совокупного субъекта действий — коллективной души или психологической (одухотворенной) толпы;
- растворении в ней личности под влиянием обусловленного численностью чувства неодолимой силы, восприимчивости к внушению и особой заразительности;
- сходстве психики попавшего под власть толпы с загипнотизированным субъектом;
- превращении индивида в безвольный автомат, буйного дикаря, «песчинку»

среди массы других, бессознательное существо;

- противопоставлении толпы изолированным индивидам по критериям интеллекта, морали, воли, осознанности, мотивации;

- свойствах толпы, таких как односторонненность мыслей и чувств, падение интеллектуальной активности; зависимость морали от содержания внушения; податливость внешним воздействиям, изменчивость настроения, легковерие до коллективных галлюцинаций, преувеличенность переживаний, импульсивность действий, экстремальность реакций;

- способах управления толпой посредством резких преувеличений, категоричных утверждений, постоянных повторений, избегания доказательств и рассуждений;

- атавистическом остатке инстинктов первобытного существа, скрытом в душе каждого (Le Bon, 1895b, p. 12, 15, 17–21, 25, 26, 28, 30, 38–40, 45–47).

Добавим к этому перечню отдельный упрек С. Сигеле в том, что Г. Лебон поставил абсолютно тот же акцент в трактовке роли вожаков и власти их «обаяния» (prestige) над толпой (Ginneken, 1985).

Для выяснения того, в какой мере принадлежали эти идеи самому С. Сигеле, достаточно обратиться к полудюжине источников, хронологически опережавших книги участников данных дебатов о плагиате.

По-видимому, первой западной публикацией по проблематике исключительно стихийных объединений явилась небольшая заметка в журнале «Lancet», с некоторыми сокращениями перепечатанная парижской газетой «Le Temps» с названием «Физиология толпы» под рубрикой «Зарубежные материалы» (Anonymous, 1886). Характеризуя феномен толпы, анонимный автор среди прочего отмечал, что ее интеллектуальные возможности ограничены гневом, имитацией, инстинктом и иными силами низшего порядка; человеком в ней управляют не личные интересы, а зараже-

ние общей страстью и стремление к подражанию; внезапный импульс превращает скопище любопытствующих в единый организм; «дух толпы» — так может быть выражена коллективность мысли, воли и действия; именно он цементирует разнородные единицы в бессознательную и безликую массу, готовую без рассуждений взять оружие и учинить беспорядки во имя неведомой цели.

Дополним перечень обозначившихся совпадений ссылками на самое раннее в нашей подборке сочинение, не уступавшее местами по афористичности стиля Г. Лебону и по методичности изложения С. Сигеле. Еще в XVIII в. в «Письмах к сыну» Ф. Честерфилд высказывался о том, что взаимное возбуждение чаще приводит толпу к плохим поступкам, чем к хорошим, и если вожаки не подтолкнут ее к злему делу, то она найдет его сама; писал, что сила и порывистость собравшихся зависят от их численности, и особо значительное количество людей приведет даже самых хладнокровных из них к повальному безумию; утверждал, что не стоит пытаться говорить с толпой на языке разума и следует апеллировать только к ее страстям, чувствам, текущим интересам. По его выражению, там, где нет способности к пониманию, имеются глаза и уши, — требуется лишь польстить им и увлечь их риторическими приемами (Честерфилд, 1774/1971, с. 74, 179).

Среди художественных произведений, опубликованных ранее трудов С. Сигеле и Г. Лебона, мы также найдем многие из анализируемых идей. Так, в новелле «На воде» Г. де Мопассана есть строки о грозящей поглотить автора стадной душе толпы, исчезновении в ней таких характеристик изолированного человека, как самостоятельность мышления и способность оценки, мгновенности слияния изначально различных людей в некое существо со своей особенной волей и душой и совсем иным образом мыслей, неспособности толпы рассуждать, ее подверженности

безумным порывам и вспышкам ярости, увлеченности единственной идеей, безумии поступков, доверчивости и восторженности, фактически полном растворении в ней личностного начала (Мопассан, 1888/1987).

Следующим релевантным источником является публицистическая работа французского медика П. Обри, автор которой писал о подражательной заразе, способной для слабого ума стать фатумом, против которого борьба невозможна; об инстинкте убийства, спящем на дне сознания и подчас просыпающемся в толпе; о том, что в скопище человек переживает впечатления более ярко, чем в изоляции от других; наконец, что толпа становится бессознательной в боине и, нуждаясь в жертвах, в какой-то момент готова убивать как врагов, так и друзей (Aubry, 1888, p. 62, 68, 87, 155, 164).

Несколько ранее российский психиатр В.Х. Кандинский на основе западноевропейских публикаций представил вниманию читателей аналитическое исследование, в котором, в частности, отметил, что действие на массу душевного контагия (заражения, от *лат.* *contagium*) пропорционально ее размеру, компактности размещения и отсутствию привычки к рассуждению, подчеркнул, что толпа всегда слепо повинует энергическим вожакам, увлекающим ее своим примером, а также постулировал, что любая идея оказывается заразительна для массы в той мере, в которой затрагивает ее чувства, тогда как отвлеченная мысль не по плечу интеллекту толпы (Кандинский, 1876, с. 162–165).

В этом ряду нельзя не упомянуть публикацию Н.К. Михайловского, в которой содержалось суждение о том, что бессознательное подражание вожаку толпы имеет общую физиологическую основу с гипнотическим состоянием — рефлекторность реакций на фоне временного подавления активности коры мозга. Соответственно, «кто хочет властвовать над людьми, заставить их подражать или повиноваться, тот

должен поступать, как... магнетизер, делающий гипнотический опыт. Он должен произвести моментально столь сильное впечатление на людей, чтобы оно ими овладело всецело и, следовательно, на время задавило все остальные ощущения и впечатления, чем и достигается односторонняя концентрация сознания; или же он должен поставить этих людей в условия постоянных однообразных впечатлений. И в том и в другом случае он может делать чуть не чудеса, заставляя плясать под свою дудку массу народа и вовсе не прибегая для этого к помощи грубой физической силы» (Михайловский, 1882, с. 227).

Позже в статье «Еще о героях» он особо упомянул, к сожалению без ссылки, о качестве «обаяния» личности как «секрете» ее воздействия на подражателей (Михайловский, 1891/1896, с. 404). Таким образом, и этот упрек С. Сигеле в адрес Г. Лебона нельзя признать основательным.

Обратим внимание, что в приведенную выше подборку преднамеренно были включены только те предшествовавшие источники, на которых не имелось ссылок в книгах С. Сигеле и Г. Лебона. Резонно попытаться, что все идеи без исключения, ставшие предметом спора о плагиате, буквально «носились в воздухе». Заимствование плодов размышлений Ф. Честерфилда или Г. де Мопассана, предположительно, можно оценить как неумышленный плагиат вследствие криптомнезии, когда помнится сама идея, но не ее авторство (Helgesson, Eriksson, 2015). Однако с работами российских исследователей Г. Лебон и С. Сигеле определенно не были знакомы. Если Н.К. Михайловский смог провести параллель между психикой загипнотизированного субъекта и изменением человека в толпе, а В.Х. Кандинский — высказать тезис о заразительности идеи для масс в зависимости от их эмоционального потенциала, то очевидно, что и Г. Лебон, отталкиваясь от общих первоисточников, имел шансы прийти к таким выводам независимо от итальянского автора.

Позиция С. Сигеле состояла в том, что он не только объединил разрозненные наблюдения и отдельные замечания о толпе физиологов, психиатров, гипнологов, философов, литераторов и историков, но и концептуально развил некоторые из них. С точки зрения Г. Лебона, его оппонент эти идеи не более чем объединил, но не развил, а потому получившаяся компиляция упоминаний не заслуживает. Такая постановка вопроса автоматически делает его плагиатором. Однако здесь мы имеем дело с «плагиатом публичности», еще не описанным исследователями этого феномена. Этот вид некорректного заимствования осуществляется в отношении не чужого текста, результатов или идей, а авторского вклада и выражается в преднамеренном игнорировании предшествовавшего исследования или отрицании его значения. Это тоже плагиат («хищение», от *лат. plagio*), так как следствием является получение личной выгоды в виде создания преувеличенного впечатления о значимости собственной работы за чужой счет.

С другой стороны, притязания С. Сигеле на научный приоритет своих идей следует признать чрезмерными: Г. Лебон, как мы показали, вполне мог взять их из иных источников или прийти к таковым своим путем. За итальянским автором следует закрепить лишь приоритет в написании обобщающего текста, но не в формулировании идей. Что же касается подозрений в плагиате в отношении самого С. Сигеле, возникающих после ознакомления с выдержками из хронологически предшествовавших материалов, то его можно упрекнуть скорее в недостатке обстоятельности при изучении проблемы, чем в преднамеренных некорректных заимствованиях.

МИХАЙЛОВСКИЙ VS СИДИС (1895, 1898)

В своих первых американских публикациях (Sidis, 1895, 1898) эмигрант из России, бывший политзаключенный и

в будущем плодовитый исследователь проблематики внушения, психопатологии и психотерапии Б. Сидис (Сайдис) произвел ряд заимствований из концепции «героев и толпы» (Михайловский, 1882), неизвестной иностранному читателю. Остается неясным, был ли осведомлен об этом отечественный публицист, социолог и литературный критик. В научном сообществе история прошла незамеченной.

Начнем с того, что противопоставление «толпы» и «героев» было сделано Н.К. Михайловским в ходе заочной полемики с Т. Карлейлем, приписывающим последним уникальный набор качеств, увлекающий к значимым целям (Карлейль, 1841/1891). Демонстрируя отсутствие принципиальных различий в процессах социального влияния любого масштаба, российский ученый обозначил этим понятием ситуативных лидеров толпы, вызвавших «энергическим примером» кратковременный эффект подражания. Для Б. Сидиса, определявшего разницу между исторической личностью и подобным вожаком как качественную, а не сугубо «количественную», не было нужды в предпочтении этого слова. Однако в его работах понятие «герой», никем, кроме Н.К. Михайловского, не употреблявшееся по отношению к доминирующим в толпе ее членам, использовалось не в пример чаще, чем «лидер», «вожак» или «главарь».

Без упоминаний предшественника Б. Сидис изложил тезисы о готовности к слепому послушанию как характерной черте масс, об утрате личного Я под влиянием внезапного массового возбуждения, о сходстве результатов пребывания в толпе с гипнотизмом, о монотонии условий окружающей среды как предпосылке к социальной гипнотизации. Многие из указанных заимствований были творчески переработаны, дополнены комментариями и заложены в основу собственных оригинальных мыслей. Однако столь же несомненно, что в его статье присутствует

плагиат как фрагментов исходного текста Н.К. Михайловского, так и отдельных идей. Даже половина примеров из «Исследования толпы» (Sidis, 1895) ранее была подобрана его предшественником для своих публикаций.

Произведенный разбор «кейсов» неправомерных заимствований заставляет задуматься: не являлась ли вся психология толпы в период ее становления в конце XIX в. сплошным сочетанием плагиата и компиляций (Rubio, 2014)? Давая отрицательный ответ, отметим, что в психологии, вероятно, нет ни одной предметной области, которая на начальном периоде развития отличалась бы исключительной оригинальностью идей. Работы Н.К. Михайловского в России, С. Сигеле и Г. Лебона в Западной Европе, Б. Сидиса в Северной Америке при явной вторичности некоторых ключевых составляющих заложили основу для формирования специфического исследовательского поля, востребованного вплоть до наших дней. Поэтому с полным основанием за ними следует закрепить научный приоритет, пусть не в привычном значении первенства идей (Merton, 1957), но первенства обобщений и выводов.

В библиографии современных публикаций по проблематике коллективного поведения «Психология толпы» (Le Bon, 1895b) упоминается намного чаще иных работ конца XIX — начала XX в. Комментируя секрет популярности Г. Лебона, кто-то из исследователей иронично заметил: «Для этого надо всего лишь долго жить и забывать ссылаться на предшественников». Разумеется, причина успеха самобытного социального философа и психолога заключалась не в этом. Однако и без отсутствия ссылок дело не обошлось. Обращение к «кейсу» «Сигеле vs Лебон» позволило установить, что знаменитый французский автор в числе прочего использовал разновидность плагиата, до сих пор не выделявшуюся

в особую категорию. Однако в научном мире она встречается. В качестве примера приведем споры физиков по авторству теории относительности. Распространено мнение, что А. Эйнштейн заимствовал ряд идей А. Пуанкаре, Х. Лоренца и некоторых других ученых (Bjerknes, 2002). Об этом трудно судить без специальных знаний. Однако применение им описываемой разновидности плагиата очевидно для неспециалиста. Отсутствие ссылок в первой статье знаменитого физика и их явный недостаток в нескольких последующих публикациях позволяют, как и в случае Г. Лебона¹, говорить о целенаправленном игнорировании авторского вклада предшественников в конкретной области знания.

Таким образом, сложившееся понимание плагиата как нарушения академической этики лишь в форме некорректного заимствования текстов, результатов или идей (Cooper, 2016; Helgesson, Eriksson, 2015; Masic, 2014; и др.) нуждается в дополнении. Оно не учитывает того, что неправомерная выгода может быть извлечена не только из присвоения интеллектуального продукта или повторного воспроизведения собственного (самоплагиат). К таким же последствиям приводит и введение общественности в заблуждение относительно значимости своего исследования путем преднамеренного умолчания о трудах предшественников или отрицания их авторского вклада. Подобное действие, обозначенное нами как «плагиат публичности», предполагает не присвоение информации, а получение выгоды от ее нераспространения. Оно не попадает под категории нарушений этики, известные как фабрикация и фальсификация,

¹ Интересно, что Г. Лебон был одним из тех, кто оспаривал у А. Эйнштейна научный приоритет в разработке принципа эквивалентности массы и энергии. Как рассказывают, физик удивленно ответил: «Но у вас же там ни одной формулы!»

так как имеет отношение исключительно к манипулированию авторством. Классификационными признаками, отличающими данный вид плагиата, являются преднамеренность и отсутствие заимствований из замалчиваемых работ.

Преждевременно полагать, что плагиат публичности в современных условиях доступности информации является исчезающим феноменом. Вполне представимы ситуации, когда недобросовестный ученый, развивая собственное понимание проблемы, замалчивает или сопровождает нелестными отзывами исследования конкурента, распространению информации о которых препятствует языковой барьер или отсутствие в Интернете материалов малоизвестной научной конференции.

1. Горбатов Д.С., Байчик А.В. Пионеры исследований толпы в зарубежной психологии: Сципион Сигеле и Анри Фурниаль // Российский психол. журн. 2018. Т. 15. № 2. С. 8–25.
2. Еременко Т.В. Информационно-этические ситуации плагиата в российском вузовском сообществе: по материалам научной и профессиональной периодики (2006–2015 гг.) // Наукоедение. 2015. Т. 7. № 4. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/49PVN415>
3. Демидова О.Р. «Чужое как свое», или физиология плагиата // Вестн. ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. № 3. С. 90–98.
4. Кандинский В. Нервно-психический контагий и душевные эпидемии // Природа. 1876. Т. 4. Кн. 2. С. 138–191.
5. Карлейль Т. Герои и героическое в истории. Публичные беседы Т. Карлейля. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1891 [1841].
6. Михайловский Н. Герои и толпа // Отечественные записки. 1882. № 1. С. 91–122; № 2. С. 503–536; № 5. С. 199–228.
7. Михайловский Н.К. Еще о героях // Сочинения Н.К. Михайловского: В 6 т. Т. 2. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1896. С. 365–404.
8. Мопассан Г., де. На воде // Мопассан Г. Рассказы. М.: Московский рабочий, 1987 [1888]. С. 460–512.
9. Честерфилд Ф.Д.С. Письма к сыну. Максими. Характеры. Л.: Наука, 1971 [1774].
10. Anonymus. Physiologie de la foule // Le Temps. 23 février 1886. P. 3.
11. Armstrong J.D., 2nd. Plagiarism: what is it, whom does it offend, and how does one deal with it? // Amer. J. of Roentgenology. 1993. V. 161. P. 479–484.
12. Aubry P. La contagion du meurtre. Étude d'anthropologie criminelle. Paris: Félix Alcan, 1888.
13. Bjercknes C.J. Albert Einstein the incorrigible plagiarist. Downers Grove, IL: XTX, 2002.
14. Cooper H. Principles of good writing: Avoiding plagiarism. 12.05.2016. URL: <https://blog.apastyle.org/apastyle/2016/05/avoiding-plagiarism.html>
15. Fournial H. Essai sur la psychologie des foules: Considérations médico-judiciaires sur les responsabilités collectives. Lyon: A. Storck; Paris: G. Masson, 1892.
16. Frachette C. Le médecin-inspecteur général Henri Fournial (1866–1932) // Histoire des Sciences Médicales. 1986. V. 20. N 4. P. 381–390.
17. Ginniken J., van. The 1895 debate on the origins of crowd psychology // J. of the History of the Behavioral Sciences. 1985. V. 21. N 4. P. 375–382.
18. Helgesson G., Eriksson S. Plagiarism in research // Medicine Health Care and Philosophy. 2015. V. 18. N 1. P. 91–101.
19. Le Bon G. A propos des foules criminelles // Revue Scientifique. 1895a. V. 4. N 20. P. 635.
20. Le Bon G. Psychologie des foules. Paris: Felix Alcan, 1895b.
21. Masic I. Plagiarism in scientific research and publications and how to prevent it // Materia Socio-Medica. 2014. V. 26. N 2. P. 141–146.
22. Merton R.K. Priorities in scientific discovery: A chapter in the sociology of science // Amer. Sociol. Rev. 1957. V. 22. N 6. P. 635–659.
23. Palano D. Il potere della moltitudine: L'invenzione dell'inconscio collettivo nella teoria politica e nelle scienze sociali italiane tra Otto e Novecento. Milano: Vita e Pensiero, 2002.
24. Publication Manual of the American Psychological Association. 6th ed. Washington, DC: APA, 2010.
25. Rubio V. Permanence et métamorphoses de la foule // Hermès. 2014. V. 70. N 3. P. 83–87.
26. Schrader E.S. Perils and pitfalls of plagiarism and how to avoid them // AORN Journal. 1980. V. 31. P. 981–982.
27. Sidis B. A study of the mob // Atlantic Monthly. 1895. V. 75. N 448. P. 188–197.
28. Sidis B. The psychology of suggestion. N.Y.: D. Appleton Co, 1898.
29. Sighele S. La folla delinquente. Torino: Fratelli Bocca, 1891.
30. Sighele S. Psychologie des sectes. Paris: V. Giard & E. Brière, 1898.

31. *Tarde G.* Les lois de l'imitation: Étude sociologique. Paris: Félix Alcan, 1890.
32. The plagiarism spectrum. URL: <https://www.turnitin.com/static/plagiarism-spectrum/> (дата обращения 20.05.2019).

References in Russian:

1. *Gorbatov D.S., Baychik A.V.* Pionery issledovaniy tolpy v zarubezhnoy psikhologii: Scipio Sighele i Henry Fournial // Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal. 2018. T. 15. N 2. S. 8–25.
2. *Eremenko T.V.* Informatsionno-eticheskie situatsii plagiata v rossiyskom vuzovskom soobshchestve: po materialam nauchnoy i professionalnoy periodiki (2006–2015 gg.) // Naukovedenie. 2015. T. 7. N 4. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/49PVN415>
3. *Demidova O.R.* «Chuzhoe kak svoe», ili fiziologiya plagiata // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2012. N 3. S. 90–98.
4. *Kandinsky V.* Nervno-psikhicheskiy kontagi i dushevnye epidemii // Priroda. 1876. T. 4. Kn. 2. S. 138–191.
5. *Carlyle T.* Geroi i geroicheskoe v istorii. Publichnye besedy T. Karleylya [On Heroes, Hero-Worship, and The Heroic in History]. SPb.: Izd-vo F. Pavlenkova, 1891 (1841).
6. *Mikhaylovsky N.* Geroi i tolpa // Otechestvennye zapiski. 1882. N 1. S. 91–122; N 2. S. 503–536; № 5. S. 199–228.
7. *Mikhaylovsky N.K.* Eshche o geroyakh // Sochineniya N.K. Mikhaylovskogo: V 6 t. T. 2. SPb.: tip. B.M. Volfa, 1896. S. 365–404.
8. *Maupassant G., de.* Na vode [Sur l'eau] // Rasskazy. M.: Moskovskiy rabochiy, 1987 (1888). S. 460–512.
9. *Chesterfield P.D.S.* Pisma k synu. Maksimy. Kharktery. [Letters to his Son. Maxims. Characters.] L.: Nauka, 1971 (1774).

Поступила в редакцию 6. VI 2019 г.